

мнѣ купчую... На мой счетъ! Нотариусу за все самъ заплачу, копѣйки съ тебя не потребую... Вотъ тебѣ мой первый и послѣдній сказъ. Хочешь ты такъ-то—давай дѣлать, что ни скорѣй, то лучше. А заупрямишься—ну, помогай тебѣ Боже. Только ужъ отъ меня милости не жди! Доведешь до судовъ, я тебя, прямо сказать, разорю въ корень, а то и еще хуже... Суды-то я, можеть, получше твоего знаю!

X.

Катерина Захаровна, она же рябая Катюха, въ томъ трудномъ положеніи, которое наступило для Щастневыхъ послѣ бесѣды съ Писарькомъ, выказала несравненно бѣльшую твердость духа, чѣмъ Алексѣй Ивановичъ. Подобно мужу, она въ первую минуту была тоже совершенно озадачена притязаніями старшины, но очень скоро пришла въ себя и затѣмъ вдругъ необычайно разгнѣвалась.

— А вить онъ вретъ все, собачій хвостъ, поганая его душонка!—разразилась Катерина Захаровна пѣлымъ потокомъ ругательства. —Нотарусъ, чать, не похуже его дѣла-тѣ знаетъ. Опять же и попъ купчую читаль: не похулилъ нисколько. Да ты вить еще кому съ показываль?

— А какъ же!

Щастневъ убитымъ тономъ перечислил челоуѣкъ пять «знающихъ людей», которые смотрѣли его документъ въ губернскомъ городѣ.

— И никто не похулилъ? —спрашивала Екатерина Захаровна.

— А ни Боже мой!—печально повѣсивъ голову,—объяснялъ Щастневъ.—Даже всѣ въ одно слово завѣрили: настоящая, говорятъ, твоя купчая, то есть, въ самомъ лучшемъ видѣ, какъ быть возможно. Не токма что, а самъ князь, чу, повернуть таперича не можеть. Во какъ завѣрили!..

— Такъ чевѣ-жъ онъ мелеть? На дураковъ напалъ? Извѣстно, земли ему жалко, такъ вотъ онъ и мутить. Для всѣхъ, вишь, купчая хороша, какъ быть слѣдуетъ; а ему одному не ндравится: не гожа-де, не правильная! Ахъ онъ... Или на него ужъ и суда нѣтъ? Да подавись ты и своими коровами, и лошадьми, и двумя тысячами! Чтобъ ты ихъ съ собой въ домовину взялъ!

Катерина Захаровна положительно неистовствовала.

— Какъ онъ и въ самъ-дѣлѣ засудить?—попыталъ-было Алексѣй Ивановичъ хотя нѣсколько поудержать расходившуюся су-